

А.Ю. МЯГКОВ

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕННЫЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ САМООТЧЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ

Существует мнение, что социально-демографические сведения, полученные в ходе опросов, обладают предельно высоким уровнем достоверности и информация, касающаяся пола, возраста, уровня образования респондентов и т. п., не нуждается в проверке на надежность. Предполагается, что эти данные «достоверны *ipso facto*» [1, с. 56]. Сторонники теории «правдивого респондента», развиваемой в рамках «кооперативной» («гуманистической») парадигмы, полагают, что неискренних ответов в социологическом исследовании вообще (или почти) не бывает [2, с. 41–43; 3, с. 68; 4, р. 63]. Особенно, по их мнению, это характерно для качественных, «интенсивных» интервью, где «близкие личные отношения с респондентами исключают ложь» в силу повышенной интимности и эмоционального характера опросной коммуникации [5, р. 30]. Высокая точность ответов, касающихся «объективных» характеристик, связывается либо с «естественной валидностью обыденного языка» (*face validity*) [6, с. 43], либо с тем, что эти данные известны самим опрашиваемым «с высокой степенью определенности» [7, р. 33]. Как отмечает В.Б. Голофаст, такие признаки, как образование и профессия, а также «некоторые биографические ... и другие сведения» из паспортичек легко доступны регистрации и «могут быть прямо интерпретированы ... с использованием обыденного языка» [6, с. 33, 43]. По мнению П. Каттенса, к информации, сообщаемой участниками опроса «о себе», следует относиться как «к идеально надежной», «не содержащей ошибок» [7, р. 45].

Таким образом, во всех описанных выше случаях фактор искренности-неискренности респондентов либо неправомерно приуменьшается, либо вовсе игнорируется. Между тем, как показывает опыт и результаты специальных исследований, указанные обстоятельства («лицевая валидность» и когнитивная определенность данных, а также личностный характер интервью) отнюдь не гарантируют от искажений. Простота, понятность и доступность социально-демографической терминологии не обеспечивают автоматически надежности и достоверности сообщаемой информации. Здесь, как правило, не возникает особых трудностей, связанных с достижением взаимно однозначного индикативного соответствия между измеряемыми признаками и понятиями, в которых они репрезентируются в анкетных вопросах. Зато встает серьезная проблема сознательных и неосознаваемых искажений:

Мягков Александр Юрьевич — кандидат философских наук, доцент, ведущий кафедрой социологии Ивановского государственного энергетического университета. Адрес: 153003 г. Иваново, ул. Рабфаковская, д. 34, корп. А., к. 340. Телефон: (0932) 38-57-69. Факс: (0932) 38-57-01.

завышения или занижения респондентами своего возраста, стажа работы, уровня образования, размеров дохода, заработной платы, фальсификации профессиональной принадлежности работниками редких и/или высокооплачиваемых профессий и т. д.

Знание опрашиваемыми своих «объективных» характеристик не является единственным фактором формирования ответов. Как показывают специальные исследования [8, с. 24–25], на них влияет множество внешних стимулов среды и внутренних состояний самих респондентов. Такие характеристики, как возраст, образование, доходы, место жительства и пр. воспринимаются многими людьми как престижные. Каждый из участников исследования по-своему оценивает и интерпретирует их в контексте сложившейся социальной ситуации с учетом той роли, которую играют эти характеристики в их собственной жизни, жизни различных референтных групп и общества в целом. Поэтому ответы на социально-демографические вопросы всегда сопряжены «с нормативными и компаративными аспектами самооценки» [7, р. 32]. С другой стороны, высокая степень интерактивности, малая дистанция между взаимодействующими сторонами «могут в большей мере стимулировать скрытность респондентов», нежели их стремление давать искренние ответы [9]. В условиях «потенциально проблематичной интеракции», отмечают сторонники «исследовательской» (investigative) парадигмы, утверждающей «секретность, конфликт и подозрение как характеристики социальной жизни вместо кооперации и доверия», социологу следует быть готовым к преодолению таких препятствий, как «дезинформация, уклонения от ответа, ложь и самопрезентация» [5, р. 30, 32].

Обзор предшествующих исследований

Вопрос о величине дистанции между «самоотчетами» респондентов относительно их «личных» характеристик и объективными данными изучен явно недостаточно. В отечественной социологии экспериментальных исследований на эту тему, насколько нам известно, не проводилось, в зарубежной науке их тоже было очень немного. Более того, сведения в западных источниках весьма противоречивы, носят преимущественно косвенный характер и малопоказательны, поскольку рассматриваются вне связи с тематической спецификой проводимых опросов.

В конце 1970-х годов С. Садмен и Н. Брэдберн попытались косвенно оценить сенситивность различных тем в персональном интервью. Предъявляя респондентам серию различных вопросов (от уровня образования до употребления марихуаны), они интересовались тем, какие из них, по мнению опрашиваемых, могут вызвать у «большинства людей» чувство смущения и неудобства и являются «слишком личными», чтобы их можно было свободно обсуждать с незнакомым человеком. Кроме того, вопросы из того же списка тестировались на предмет количества пропусков и отказов от ответа. По замыслу С. Садмена и Н. Брэдберна, реакции на оценочные вопросы должны фиксировать нормы, не позволяющие людям открыто обсуждать указанные темы с незнакомыми и давать точные ответы о себе и своем поведении интервьюеру [10, р. 67]. Уровень тревоги и беспокойства респондентов в экспериментальной ситуации рассматривался в качестве индикатора возможных информационных искажений в ситуации будущих интервью [10, р. 50],

а число неответов интерпретировалось как «бихевиориальная мера опасений» и свидетельство ощущаемой угрозы [10, р. 69]. Данные, полученные в ходе исследования (табл. 1), свидетельствуют, что статусные вопросы являются для опрашиваемых не самыми эмоционально нейтральными. С другой стороны, далеко не все респонденты, как выяснилось, считают возможным сообщать те или иные сведения личного характера незнакомым людям.

Таблица 1

Мнения респондентов о степени деликатности различных вопросов, %

Типы вопросов (темы)	Большинство людей будут чувствовать сильное смущение при предъявлении данного вопроса	Считают, что данный вопрос слишком личный	Не ответили на вопрос при его предъявлении
Занятия спортом	1,0	0,0	0,1
Образование	3,0	1,0	0,3
Род занятий	3,0	2,0	0,1
Доходы	12,0	6,0	4,8
Злоупотребление алкоголем	29,0	2,0	2,3
Употребление марихуаны	42,0	3,0	0,4
Сексуальное поведение	42,0	34,0	6,0

Источник: [10, р. 68].

Исходя из этих данных, трудно с уверенностью сказать, какие вопросы социально-демографического блока являются более надежными, а какие менее. Исключение составляет, пожалуй, лишь вопрос о доходах, оцененный опрошенными как весьма деликатный. Однако вывод, что сведения, сообщаемые респондентами «о себе», не обладают абсолютной достоверностью, не вызывает больших сомнений.

Иные результаты были получены в ходе почтового опроса, посвященного изучению проблемы самоубийств (табл. 2), проведенного в середине 80-х гг. А. Недерхофом. В нем так же, как и в предыдущем случае, в качестве индикатора вероятных смещений в опросных данных использовался удельный вес неответов на различные вопросы анкеты.

Таблица 2

Доли неответов на вопросы анкеты, %

Типы вопросов	Доли неответов
Пол	1,2
Возраст	1,4
Брачный статус	2,2
Конфессия	2,3
Род занятий	3,4
Политические предпочтения	4,0
Образование	14,3
Средний показатель по вопроснику в целом	8,3
Диапазон для шкал самоубийств	12,8–28,7

Источник: [11, р. 299].

Доля респондентов, отказавшихся сообщить свои социальные и демографические характеристики, вполне сопоставима с удельным весом не ответивших на вопросы о политических симпатиях, традиционно считающиеся деликатными. Более того, вопрос об образовании вызвал значительно большее число неответов, чем в среднем по всей анкете.

В телефонном интервью, организованном Ч. Уивером и К. Свенсон, 5,3% респондентов не пожелали указать свой возраст, 7,7% отказались сообщить о стаже работы и 18,0% — величину ежемесячного жалования [12, р. 72]. В экспериментальном исследовании Дж. Фрея удельный вес неответов на демографические и статусные вопросы, также задававшиеся по телефону, варьировал в более узких пределах: от 0,5% для вопроса об образовании до 11% — о величине дохода (табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес неответивших на различные типы социально-демографических вопросов в телефонном интервью, %

Темы вопросов	Удельный вес неответивших
Образование	0,5
Размер жилища	1,0
Раса	1,6
Брачный статус	1,6
Религия	3,1
Доход	10,9

Источник: [13, р. 268].

Эти косвенные показатели говорят о значительных расхождениях в социологической литературе относительно надежности вопросов социально-демографического блока. Прямые данные также убеждают в правомерности такого вывода. В трех исследованиях, анализируемых Г. Хайманом, степень достоверности самоотчетов респондентов о возрасте варьировала от 88% до 98% [14, р. 258]. В методическом эксперименте Р. Петерсона правильный возраст указали 95–99% опрошенных (в зависимости от вида и формулировки вопроса). При этом от 1% до 10% респондентов отказались от ответа [15, р. 381]. По сообщению Ч. Уивера и К. Свенсон, лишь около 92% всех ответов на вопрос о дате рождения после проверки по методу «объективного эталона» были признаны соответствующими действительности [12, р. 73]. Степень точности сведений о стаже работы оказалась еще ниже — 63,6% [12, р. 76].

Существенные расхождения имеют место и при оценке достоверности сведений об образовании респондентов. Польские социологи, опираясь на материалы панельного исследования, оценивают его в 78% [16, с. 139–140]; американская исследовательница Т. Роджерс, судя по данным ее ретестового эксперимента, — лишь в 66% [17, р. 58–59]. У П. Каттенса показатели надежности самоотчетов, касающихся пола, возраста респондентов, времени окончания школы, количества братьев и сестер, полученные в результате измерения посредством «тест-ретест» метода, были близкими к единице. Очень высокой степенью достоверности, сообщает автор, обладали также вербальные данные об образовании обоих родителей и профессии отца [7, р. 40–43].

Сложнее обстоит дело с вопросом о доходах: здесь наблюдается еще большая неопределенность при оценке искажений вербальной информации. Если в большинстве исследований уровень достоверности ответов о размере доходов оценивается обычно в несколько десятков процентов, то Ч. Уивер и К. Свенсон в своем эксперименте обнаружили всего 0,4% правильных ответов при сравнении их с «критериальными» данными. При этом в 15,2% случаев суммы доходов оказались заниженными, а в 84,8% — завышенными [12, р. 74]. Что касается уровня неответов на вопрос о доходах, то в разных исследованиях, в зависимости от метода сбора данных, он также колеблется в довольно широких пределах: от 5% до 15% в личных интервью [10, р. 68, 144; 18] и от 11% до 28% в телефонных [13, р. 268; 18]. В исследовании Ж. Билье и Г. Лузвельдта, проведенном среди женщин в режиме персонального интервью, на вопрос о совокупном ежемесячном доходе семьи отказались отвечать 7,2% респондентов, а на вопрос о денежных сбережениях — 16,4%. При этом последний оказался даже более сенситивным, чем вопросы о политических предпочтениях и сексуальных отношениях (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение неответов респондентов на вопросы интервью, %

Содержание вопросов	%
Партийные симпатии респондента	7,4
Партийные симпатии супруга	19,8
Ежемесячный доход семьи	7,2
Размер денежных накоплений	16,4
Обсуждение с супругом сексуальных отношений	2,2
Оценка сексуального опыта	5,4
Оценка личной сексуальной жизни	10,8
Последний сексуальный контакт	10,4
Частота сексуальных контактов	12,5

Источник: [19, р. 197].

Вопрос о том, какие категории опрашиваемых более склонны к искажению социально-демографических сведений, также является дискуссионным. В отечественной литературе неоднократно высказывалось мнение, что респонденты старших возрастных групп и особенно пожилые проявляют тенденцию к завышению своего возраста [20, с. 40–41; 21, с. 33]. Однако результаты западных исследований, кажется, не подтверждают эту закономерность. По данным эксперимента Ч. Уивера и К. Свенсон, лишь менее 5% респондентов в возрасте от 50 лет и старше завысили свой возраст, в то время как около 14% занизили его. У молодых людей, наоборот, наблюдается стремление казаться старше (табл. 5).

Таблица 5

Точность сообщений о возрасте в различных возрастных группах, %

Сообщение о возрасте	Действительный возраст респондентов				В целом по выборке
	от 21 до 30 лет	от 30 до 40 лет	от 40 до 50 лет	от 50 лет и старше	
Сообщили точный возраст	91,9	98,5	91,8	81,8	91,8

Завысили свой воз- раст	7,4	0,0	1,4	4,6	4,1
Занизили свой воз- раст	0,7	1,5	6,8	13,6	4,1

Источник: [12, р. 73].

Высказывается мнение, что искажения возрастных сведений связаны прежде всего с социокультурными и психологическими факторами, вызывающими у людей стремление к самопрезентации, а не с эффектами памяти или аккумуляции возраста [12, р. 73]. Вместе с тем имеются сведения, не согласующиеся с описанными выше результатами. В исследовании Р. Петерсона, например, не было зафиксировано значимых различий в уровнях искажения возрастной информации, связанных с возрастом опрошенных [15, р. 381–382]. Некоторые исследователи полагают, что к завышению уровня доходов в большей степени склонны молодые респонденты [12, р. 75] и люди с невысокими заработками [22]. Другие авторы не находят строгих эмпирических подтверждений этим тенденциям [23, с. 7].

Методология и методы исследования

Поскольку сведения, имеющиеся в литературе, носят разрозненный, часто случайный характер и порой существенно разнятся от исследования к исследованию, очень трудно представить истинные масштабы искажений в ответах респондентов о самих себе. Для оценки достоверности (искренности) таких ответов в 1999–2001 гг. мы провели два специальных исследования¹. Первое из них (март–апрель 1999 г.) представляло собой методический эксперимент, организованный по принципу «тест-ретест», второе (февраль 2001 г.) – массовый опрос взрослого населения г. Иванова и Ивановской области.

В ретестовом исследовании участвовало 110 чел., проживающих в г. Иванове и представляющих разные социально-демографические и профессиональные группы взрослого населения (студенты, представители производственной и непроизводственной интеллигенции, работники торговли и сферы обслуживания, пенсионеры). Поскольку эксперимент состоял из двух фаз, то от респондентов в общей сложности было получено 220 анкет.

Экспериментальный план. Опрашиваемым предлагалось ответить на вопросы анкеты дважды через небольшой промежуток времени (около двух-трех недель). В первый раз их просили дать максимально искренние ответы («для себя»), а во второй — ответить так, как бы они отвечали, если бы не были уверены в конфиденциальности опроса и не доверяли интервьюеру. В результате мы получили своеобразные «эталонные» искренних и неискренних ответов, которые затем сопоставлялись, и на основе обнаруженных различий выводились средние показатели уровня искренности по каждому из вопросов, по различным их группам (типам) и по вопроснику в целом.

¹ Автор был руководителем этих исследований. В них участвовали также И.В. Журавлева, С.Л. Журавлева, А.О. Морозова и О.В. Симакова.

Измерительная стратегия. Уровень искренности респондентов по отдельным вопросам: $УИ_{ei}$) рассчитывался как частное от деления числа совпадений в ответах всех респондентов в двух последовательно взятых пробах на объем выборки (1), а по вопроснику в целом ($УИ_e$) — как отношение общей суммы всех совпавших пар ответов по всем вопросам и для всех респондентов к числу всех возможных ответов (2).

$$УИ_{ei} = \frac{\sum CO_{ei}}{N} \cdot 100 \quad (1),$$

где $\sum CO_{ei}$ — сумма совпавших пар ответов по i -му вопросу;
 N — число испытуемых.

$$УИ_e = \frac{\sum CO_e}{K \cdot N} \cdot 100 \quad (2),$$

где $\sum CO_e$ — общее число совпавших пар ответов по вопроснику в целом;

K — число вопросов в анкете;

N — число испытуемых.

Структура и содержание вопросника. Вопросник включал 33 вопроса, из которых 26 были «содержательными», а 7 — социально-демографическими. Из числа содержательных вопросов 7 касались нравственно-правовых тем, а также оценок респондентами взаимоотношений в семье и их собственного здоровья, а 19 были предназначены для измерения политических установок. В социально-демографическом блоке анкеты присутствовало 5 традиционных вопросов (пол, возраст, образование, род занятий, размер среднемесячного душевого дохода в семье) и 2 «сопутствующих» (о наличии дополнительных доходов и их удельном весе по отношению к основному заработку). Как можно видеть из табл. 6, в большинстве своем вопросы анкеты не принадлежали к числу особо чувствительных.

Массовый опрос был частью исследовательского проекта «Ложь и обман в современном российском обществе», инициированного автором. Он проводился кафедрой социологии Ивановского государственного энергетического университета среди жителей г. Иванова и Ивановской области. Всего было опрошено 701 чел., отобранных на основе квотно-случайной выборки и представляющих различные социально-демографические, профессиональные и поселенческие слои взрослого населения. Для сбора эмпирических данных использовался метод индивидуального очного анкетирования.

В данном исследовании мы, в частности, предполагали установить, как люди воспринимают и оценивают различные по содержанию и степени деликатности вопросы (темы), выносимые на обсуждение в интервью, какие из них они считают острыми, а какие эмоционально нейтральными. С этой целью мы задавали респондентам косвенный проективный вопрос: «Как вы считаете, в какой мере перечисленные ниже темы (вопросы) вызвали бы в ходе социологического опроса чувство неловкости или смущения у большинства отвечающих?». По этому параметру тестировались 13 вопросов, в том числе и 6 социально-демографических. Поскольку, как считают специалисты, существует тесная прямая корреляция между остротой восприятия темы и уровнем искренности респондентов [10, р. 50, 67, 69], мы сочли пра-

вомерным интерпретировать полученные оценки в контексте проблемы достоверности.

Результаты и их интерпретация

Средний уровень искренности ответов респондентов на «содержательные» вопросы составил 57,8%, а на демографические и статусные — 80,4%. Вопросы социально-демографического блока также различаются между собой по степени остроты и деликатности (см. табл. 6). Самым сенситивным в этой группе (и одним из самых деликатных по анкете в целом) оказался вопрос о размере дохода: средний уровень искренности ответов на него составил всего 40%. А это значит, что большинство респондентов (60%) изменили во втором исследовании (то есть в ситуации с нарушенной анонимностью) свои первоначальные ответы и лишь 40% сохранили их неизменными.

Таблица 6

Уровни искренности ответов респондентов по отдельным вопросам анкеты, вопросным блокам и вопроснику в целом (в абс. числах и %, n=110)

№	Содержание вопросов	Число несоответствий, абс. числа	Уровень искренности ответов, %
1	Отношение к социально-экономической политике правительства	57	48,2
2	Намерение участвовать в выборах в Госдуму	40	63,6
3	Оценка взаимоотношений в семье	40	63,6
4	Допустимость лжи	51	53,6
5	Оценка состояния собственного здоровья	67	39,1
6	Размер среднего дохода в семье	66	40,0
7	Наличие дополнительных источников дохода	17	84,5
8	Доля дополнительных источников дохода по отношению к средней заработной плате	33	70,0
9	Уплата налогов	29	73,6
10	Партийные предпочтения	53	51,8
11	Оценка деятельности Президента России за прошедший год	60	45,4
12	Факты физического наказания детей	33	70,0
13	Злоупотребление алкоголем	33	70,0
14	Отношение к Президенту России	50	54,5
15	Отношение к правительству	53	51,8
16	Отношение к Совету Федерации	51	53,6
17	Отношение к Госдуме	46	58,2
18	Отношение к руководителям региона	51	53,6
19	Отношение к милиции	42	61,8
20	Отношение к суду	47	57,3
21	Отношение к прокуратуре	42	61,8
22	Отношение к армии	48	56,4
23	Отношение к профсоюзам	40	63,6
24	Отношение к церкви	34	69,1
25	Отношение к политическим партиям	51	53,6
26	Отношение к СМИ	49	55,4
27	Отношение к предпринимательским и	44	60,0

	банковским кругам		
28	Электоральные рейтинги политиков	46	58,2
29	Возможность присвоения чужого	50	54,5
30	Пол	9	91,8
31	Возраст	6	94,5
32	Образование	11	90,0
33	Род занятий	9	91,8

		Сводные показатели	
	По основным (содержательным) вопросам (K=26)		57,8
	По социально-демографическим вопросам (K=7)		80,4
	По четырем вопросам социально-демографического блока (пол, возраст, образование, род занятий)		92,0
	По пяти основным вопросам социально-демографического блока (пол, возраст, образование, род занятий, размер дохода)		81,6
	По вопроснику в целом (K=33)		62,8

Из числа испытуемых, изменивших суммы своих доходов, 46,7% увеличили их во второй пробе, а 53,3% — уменьшили. При этом респонденты с доходами выше среднего уровня более склонны к их занижению, в то время как люди из низкодоходных групп демонстрируют противоположную тенденцию (табл. 7). Вполне закономерно, что в первой из указанных категорий размер среднесемейного дохода составил 612 руб., а во второй — лишь 390 руб. (то есть в 1,6 раза меньше) при среднем значении по выборке, равном 447 руб.

Таблица 7

Образцы вербального поведения респондентов из разных групп по уровню доходов (по данным «тест-ретест», %)

Группы респондентов по уровню доходов	Завысили размер дохода	Занизили размер дохода	Не изменили	Трудно определить
Респонденты с доходами выше среднего уровня по выборке	18,9	39,6	37,7	3,8
Респонденты с доходами ниже среднего уровня по выборке	38,0	20,0	36,0	6,0

Полученные данные хорошо согласуются с результатами ряда аналогичных исследований, проведенных в предыдущие годы [12, р. 75-76; 24, с. 53; 22]. Они свидетельствуют о том, что сведения о доходах, получаемые в опросах массовых слоев населения, следует увеличивать как минимум в 1,5 раза [23, с. 7]. На момент проведения нашего исследования (март-апрель 1999 г.) среднемесячный душевой доход в Ивановской области по официальным статистическим данным составлял 819 руб., то есть был выше «анкетного» в 1,83 раза [25, с. 2].

«Сопутствующие» вопросы о наличии дополнительных заработков и их размерах воспринимаются испытуемыми с меньшей остротой и подозрительностью. Однако удельный вес неискренних ответов здесь также достаточно высок (от 15 до 30%). Кроме того, при повторном тестировании большинство респондентов продемонстрировали тенденцию к занижению сумм приработков, а также к уклонению от ответов на эту тему. Эти данные подтверждают вывод Н. Брэдберна и С. Садмена о том, что вопросы, требующие от респондентов простой констатации факта и ответов типа «да-нет», являются менее чувствительными, чем те, которые предполагают «квантификацию поведения» и сообщение его количественных характеристик (частоты, интенсивности и т. д.) [10, р. 19-23].

Уровень достоверности ответов на традиционные вопросы социально-демографического блока относительно пола, возраста, образования и рода занятий, на первый взгляд, кажется довольно высоким: в этой вопросной группе он колеблется от 90% до 94,5% (в среднем 92%). Однако так может показаться лишь на фоне других, и прежде всего, содержательных вопросов. Взятые сами по себе, они свидетельствуют, что от 5% до 10% респондентов могут изменить ответы, касающиеся их персональных данных, в случае возникновения ситуации, которая, по их мнению, создает условия для идентификации личности опрашиваемых. Кроме того, хотя искренность ответов на «личные» вопросы в целом выше, чем ответов на все остальные вопросы, она не является абсолютной и ни по одному из них не достигает 100%, а по вопросу о размере дохода ее уровень оказался одним из самых низких.

Результаты исследования позволяют сделать еще один вывод. Вопросы, касающиеся уровня образования, профессии и даже возраста и пола, также могут восприниматься респондентами как чувствительные, однако в качестве таковых они чаще всего выступают не сами по себе, а в общем предметно-содержательном (тематическом) контексте исследования. Поэтому уровень их надежности варьирует в зависимости от темы опроса. Чем эта тема острее, тем ниже вероятность искренних ответов, в том числе и на вопросы социально-демографического блока. Но даже в относительно нейтральных по тематике опросах можно ожидать появления недостоверных сведений о личных характеристиках респондентов.

Результаты исследования, проведенного нами в 2001 г., подтверждают выявленные ранее тенденции: вопросы, касающиеся размеров и источников доходов, а также сумм денежных накоплений, воспринимаются респондентами как крайне деликатные (табл. 8). Они существенно перекрывают обе «пороговые» границы, предложенные в свое время Н. Брэдберном и С. Садменом для оценки чувствительности обсуждаемых тем. Они пришли к выводу: если удельный вес испытуемых, считающих, что предлагаемый им вопрос или тема вызовут у «большинства людей» сильную тревогу и волнение, достигает 10%-й отметки, то имеется опасность «ответных» смещений, обусловленных неискренностью респондентов. В том случае, когда эта доля превышает 20%, искажения обретают системный характер, а их последствия становятся необратимыми. Возникает серьезная угроза качеству данных. В этой ситуации необходимо предпринять самые решительные меры для предотвращения неискренних ответов [10, р. 165-166].

Таблица 8

Степень деликатности различных вопросов (тем) в оценках респондентов, % ответивших

Типы вопросов (темы)	Вызывает сильное смущение	Вызывает не-которое смущение	Не вызывает смущения
Сексуальные отношения	41,5	37,0	21,5
Супружеская измена	37,0	40,6	22,5
Размер денежных накоплений	36,9	36,3	26,9
Размер и источники доходов	26,6	41,1	32,3
Употребление наркотиков	29,2	28,4	42,4
Употребление алкоголя	17,1	40,2	42,7
Состояние здоровья	10,8	36,4	52,8
Электоральные предпочтения	10,9	32,4	56,7
Партийные симпатии	7,4	31,0	61,6
Возраст	3,9	29,1	67,0
Род занятий, профессия	2,9	28,4	68,7
Состояние в браке	4,8	23,8	71,4
Уровень образования	4,1	22,2	73,8

С другой стороны, традиционные вопросы социально-демографического блока (возраст, образование, род занятий, брачный статус) хотя и занимают последние строчки в «рейтинге сенситивности», тоже не могут считаться эмоционально нейтральными и «безобидными»: от четверти (26,3%) до трети (33,0%) всех опрошенных относят их к числу «смущающих». Кроме того, как показывает корреляционный анализ, в отдельных группах респондентов оценки деликатности этих вопросов резко возрастают, преодолевая первый предел сенситивности. Так, например, вопрос о возрасте острее воспринимают женщины ($p < 0,05$). Наиболее деликатным его считают респондентки, принадлежащие к возрастной группе 30-39 лет. Удельный вес тех, кто относит данный вопрос к числу крайне острых, достигает здесь почти 15% ($p < 0,01$). Вопрос об образовании чаще называют «смущающим» респонденты с низким образовательным статусом: 16% опрошенных, не окончивших среднюю школу, ответили, что большинство людей будут чувствовать себя неловко при обсуждении данной темы ($p < 0,01$). Оценки вопроса о роде занятий, как свидетельствует анализ, зависят от возраста отвечающих: респонденты моложе 40 лет испытывают большее смущение, а потому демонстрируют низкую готовность к сообщению достоверных сведений, касающихся их профессиональной деятельности ($p < 0,001$). Доля людей, относящихся к этой категории, также превышает 10%. Следовательно, в указанных выше группах риск получения неискренних ответов на «личные», внешне безобидные вопросы заметно возрастает.

Что касается «денежных вопросов», то их восприятие варьирует в зависимости от возрастных и социально-профессиональных характеристик опрашиваемых ($p < 0,01$). Крайне деликатными их считают студенты (51,9%), предприниматели (50,0%) и безработные (41,4%). Таким образом, социально-демографические вопросы отнюдь не являются столь безобидными, как

это нередко считается. Степень их надежности варьирует в зависимости от целого ряда факторов: используемого метода сбора данных, уровня субъективной анонимности опроса, предметно-тематического контекста обсуждаемых в исследовании проблем, социально-демографических и статусных характеристик опрашиваемых и т. д. В отдельных социальных группах искажения в ответах могут достигать значений, за которыми начинаются серьезные нарушения достоверности итоговых результатов. В этих случаях считающиеся «простыми» вопросы о возрасте, образовании, брачном статусе, роде занятий и др. оказываются весьма проблемными для исследователя, а ответы на них – непригодными для дальнейшего анализа.

Поскольку социально-демографические признаки обычно используются в качестве независимых, факторных переменных, любые ошибки и смещения в процессе их первичного измерения неизбежно обретут систематический характер на стадии анализа данных. Переходя в корреляционные таблицы, они неслучайным образом изменяют структуру и числовые значения других переменных (и, соответственно, показателей корреляции), искусственно снижая или, наоборот, повышая уровень эмпирически фиксируемых взаимосвязей [12, р. 79; 26, р. 179]. В этих условиях установление связи между анализируемыми признаками, равно как и оценка ее интенсивности, может оказаться делом весьма проблематичным. В конечном счете «ошибки сообщения» в самоотчетах респондентов на вопросы социально-демографического блока негативно скажутся на качестве содержательных выводов и рекомендаций по результатам исследования в целом. Поэтому достоверность ответов необходимо контролировать не только по основным вопросам исследования, но и по всем прочим, включая социально-демографические. Идиосинкразические эффекты универсальны и не имеют предметно-тематических ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волович В.И.* Надежность информации в социологическом исследовании: Проблемы методологии и методики. Киев: Наукова думка, 1974.
2. *Аверьянов Л.Я.* Искусство задавать вопросы. М.: Московский рабочий, 1987.
3. *Аверьянов Л.Я.* Социология: Что она знает и может. М.: Социолог, 1993.
4. *Dijkstra W., Van der Zouwen J.* Role playing in the interview: Towards a theory of artifacts in the survey-interview // *Sociocybernetics* / Ed. by R.F. Geyer, J. Van der Zouwen. Leiden: Nijhoff, 1978. P. 58-72.
5. *Obligacion F.R.* Managing perceived deception among respondents: A traveler's tale // *Journal of Contemporary Ethnography*. 1994. Vol. 23. No 1. P. 29-50.
6. *Логика социологического исследования* / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1987.
7. *Cuttance P.F.* Towards a typology of information to aid reliability of response in social surveys // *Quality and Quantity*. 1986. Vol. 20. No 1. P. 27-52.
8. *Давыдов А.А.* Респондент как источник информации. М.: ИС РАН, 1993.
9. *Vaughan D.* The long goodbye // *Psychology Today*. 1987. July. No 1. P. 37-42.
10. *Bradburn N.M., Sudman S.* Improving interview method and questionnaire design. San Francisco: Jossey-Bass, 1979.
11. *Nederhof A.* A survey on suicide: Using a mail survey to study a highly threatening topic // *Quality and Quantity*. 1985. Vol. 19. No 3. P. 293-302.
12. *Weaver C.N., Swanson C.L.* Validity of reported date of birth, salary, and seniority // *Public Opinion Quarterly*. 1974. Vol. 38. No 1. P. 69-80.

13. *Frey J.H.* An experiment with a confidentiality reminder in a telephone survey // *Public Opinion Quarterly*. 1986. Vol. 50. No 2. P. 267-269.
14. *Hyman H.* Secondary analysis of sample surveys: Principles, procedures and potentialities. N.Y.: Wiley, 1972.
15. *Peterson R.A.* Asking the age question: A research note // *Public Opinion Quarterly*. 1984. Vol. 48. No 1. P. 379-383.
16. *Гайдис В.А.* Сравнительный анализ различных вариантов вопросов для получения информации об образовании респондента // Проблемы сравнительных исследований в социологии: Методы сбора данных / Отв. ред. В.Г. Андреенков, О.М. Маслова. М.: ИСИ АН СССР, 1988. С. 121-144.
17. *Rogers T.* Interviews by telephone and in person: quality of responses and field performance // *Public Opinion Quarterly*. 1976. Vol. 40. No 1. P. 51-65.
18. *Groves R.M.* Actors and questions in telephone and personal interview surveys // *Public Opinion Quarterly*. 1979. Vol. 43. No 2. P. 190-205.
19. *Billiet J., Loosveldt G.* Improvement of the quality of responses to factual survey questions by interviewer training // *Public Opinion Quarterly*. 1988. Vol. 52. No 2. P. 190-211.
20. *Петренко Е.С., Ярошенко Е.М.* Социально-демографические показатели в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1979.
21. *Мяжков А.Ю.* Возраст как переменная в социологическом исследовании: Методологические и методические проблемы измерения // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. гуманитар. науки. 1996. Вып. 2. С. 31-38.
22. *Сознание и трудовая деятельность.* Киев, Одесса: Наукова думка, 1985.
23. *Сивкова В.* Кто богаче всех // Аргументы и факты. 1995. № 42 (783).
24. *Батыгин Г.С.* Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.
25. Рабочий край. 1999. 26 апреля.
26. *Hamilton L.C.* Self-reports of academic performance: Response errors are not well behaved // *Sociological Methods and Research*. 1981. Vol. 10. No 2. P. 165-185.